

Деликтные обязательства из действий искусственного интеллекта: проблемы и перспективы правового регулирования

Д. А. Казанцев

Кандидат юридических наук,
член Совета ТПП РФ по развитию системы закупок

Торгово-промышленная палата Российской Федерации
109012, Россия, г. Москва, ул. Ильинка, 6/1, с. 1

E-mail: info@dkazantsev.ru

Аннотация: повсеместное распространение технологий роботизации требует регулирования тех, пусть пока еще немногочисленных, случаев, в которых следствием действий робота стало причинение вреда физическому или юридическому лицу. Этот вопрос, в свою очередь, требует анализа самого феномена деликтоспособности робота и искусственного интеллекта в целом. То, что искусственный интеллект сегодня не может называться субъектом права, не означает отсутствия правовой ответственности за причиненный им вред. Для таких случаев необходима разработка матрицы ответственности правовых субъектов, влияющих на результаты работы ИИ. Не претендуя на исчерпывающее изложение всех вариантов решения данной проблемы, настоящая статья приглашает к размышлению на эту тему. Ведь вопрос правовых последствий причинения вреда искусственным интеллектом не является сугубо теоретическим, а прямо влияет на перспективы распространения цифровых технологий.

Ключевые слова: право; правовое регулирование; правовая субъектность; правовая ответственность; причинение ущерба; деликтное обязательство; деликтоспособность; инновационные технологии; робот; искусственный интеллект

Tort Liabilities Arising from Actions of Artificial Intelligence: Problems and Prospects for Legal Regulation

D. A. Kazantsev

Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation
6/1, Ilyinka st., of. 1, Moscow, 109012, Russia

E-mail: info@dkazantsev.ru

Abstract: *the widespread distribution of robotic technologies requires regulation of cases where a robot has caused harm to an individual or legal entity. This issue requires an analysis of the phenomenon of the robot's tort capacity and artificial intelligence in general. The fact that AI today cannot be called a subject of law does not mean the absence of legal liability for the harm caused by it. For such cases, it is necessary to develop a matrix of liability of legal entities that influence the results of AI work. Without being an exhaustive presentation of all options for solving this problem, this article invites you to reflect on this topic. After all, the issue of the legal consequences of harm caused by artificial intelligence is not purely theoretical, but directly affects the prospects for the spread of digital technologies.*

Keywords: *law; legal regulation; legal subjectivity; legal liability; causing damage; tortious obligation; tort capacity; innovative technologies; robot; artificial intelligence*

Бедрение искусственного интеллекта (ИИ) в различные сферы экономических и социальных отношений на наших глазах превращается из экспериментального процесса в ординарный. Как точно сформулировано в Указе Президента России «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», сегодня «технологическое лидерство в области искусственного интеллекта может позволить государствам достичь значимых результатов по основным направлениям социально-экономического развития»¹.

Однако роботизация производств и все более широкое использование технологий ИИ в различных аспектах повседневной жизни переводят вопрос о правовых последствиях причинения роботом вреда человеку из теоретической плоскости в практическую. Отсутствие соответствующего регулирования создает правовой вакуум, который потенциально может породить ситуацию

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490 (в ред. от 15.02.2024).

отсутствия ответственности за целую группу правонарушений. Это, в свою очередь, с неизбежностью повлечет стремление физических и юридических лиц избегать, насколько это возможно, вовлечения в такие правоотношения, в которых потенциальное нарушение их прав и законных интересов не будет иметь никаких последствий. Проще говоря, неурегулированная правовая ответственность ИИ – это один из ключевых факторов депопуляризации повседневного использования цифровых технологий, а значит, и важное препятствие на пути их развития.

Резолюция Европейского парламента от 16 февраля 2017 г. с рекомендациями Комиссии по гражданскому праву «Правила робототехники», указав на возрастающую актуальность вопроса об ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, отмечает вместе с тем, что действующее законодательство не позволяет привлечь ИИ даже в случае, когда наносится ущерб третьим лицам². Регламент Европейского союза «Об искусственном интеллекте» объединяет защиту от вредного воздействия систем ИИ с поддержкой инноваций и включает их в число наиболее важных целей соответствующего регулирования³.

Для реализации риск-ориентированного подхода в этом акте выделены четыре категории направлений использования ИИ:

- 1) категория недопустимого риска: биометрическая идентификация и категоризация людей, система социального рейтинга и т.п.;
- 2) категория высокого риска: использование ИИ с потенциальной возможностью создания прямой угрозы жизни и здоровью человека – например, на транспорте или в медицине;
- 3) категория ограниченного риска: использование чат-ботов, нейросетей для создания информационного контента;
- 4) категория минимального риска: вспомогательные программы, видеоигры, рекомендательные системы.

Таким образом, представление о том, что использование ИИ может создать высокий или даже недопустимый риск для жизни, здоровья, прав и законных интересов людей, получило нормативное закрепление. Причем для

² European Parliament Resolution of 16 February 2017 with Recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)).

³ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act).

реализации такого риска вовсе не обязательны злонамеренные действия ИИ. В этом контексте особую актуальность приобретает вопрос об определении «правовой природы искусственного интеллекта: рассматривать как физических лиц, как юридические лица, как животных или объекты либо создать новую категорию, с ее собственными особенностями и последствиями в отношении присвоения прав и обязанностей, включая ответственность за ущерб»⁴.

За пределами этой статьи остается вопрос условности понятия искусственного интеллекта на текущем уровне научно-технического развития. Ведь при рассмотрении правовых последствий причинения вреда ключевым является другой вопрос: коль скоро действия искусственного интеллекта де-факто уже сегодня порождают юридические обязательства договорного характера, то тем более такие действия способны породить обязательство вследствие причинения вреда.

Важно не забывать о том, что юридическая значимость действий, совершаемых в цифровой среде, сегодня не имеет какого бы то ни было ограничения в сравнении с юридической значимостью действий, совершаемых за пределами такой среды. Более того, цифровизация и автоматизация юридически значимых действий стали сегодня частью правовой реальности – причем не в силу веяний моды, а в силу объективного облегчения правовых отношений. В частности, «это значительно упрощает подход к соблюдению юридико-технических средств при подготовке соответствующих актов реализации права. Применение устоявшихся правил юридической техники в этом случае происходит автоматически. <...> Единственным отличием электронной и письменной форм обращений здесь выступает способ проставления подписи»⁵.

Но это же самое обстоятельство означает и то, что работа в цифровой среде в целом и последствия действий ИИ в частности не могут и не должны оставаться вне правового регулирования. Недопустимость использования искусственного интеллекта в целях умышленного причинения вреда гражданам и организациям, а также предупреждение и минимизация рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта отнесены к основополагающим принципам развития ИИ в Российской

⁴ Nevejans N. European Civil Law Rules in Robotics: Study. European Union, 2016.

⁵ Кожокарь И. П., Русакова Е. П. Правореализационная юридическая техника и цифровое право-судие // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 1 (59). С. 134.

Федерации⁶. В связи с этим можно выделить три базовых подхода к решению вопроса о правовой ответственности за действия ИИ:

1) ИИ является субъектом права и сам должен нести ответственность за последствия своих действий;

2) ИИ не является субъектом права, так что правовая ответственность за последствия его действий невозможна;

3) ИИ не является субъектом права, а ответственность за последствия его действий должна возлагаться на определенный круг физических и/или юридических лиц.

Представляется, что с учетом уровня современного развития технологий и общественных отношений лишь один из трех означенных подходов имеет прикладное значение.

Правовая ответственность и правовая субъектность

Классическим набором элементов правовой ответственности принято называть одновременное наличие субъекта, субъективной стороны, объекта и объективной стороны. И если наличие объекта и объективной стороны не устраниется фактом причинения вреда в результате действий искусственного интеллекта, то наличие двух оставшихся факторов представляется в высшей степени дискуссионным.

Сам феномен деликтоспособности неразрывно связан с понятием правосубъектности. Предельно упрощая, лишь субъект права может нести правовую ответственность. Сторона, субъектом права не являющаяся, ответственности в правовом смысле не несет. Однако как быть в ситуации, когда причиной возникновения деликтных обязательств стали действия субъекта, не относящегося к субъектам права?

Сегодня разговоры о присвоении искусственному интеллекту статуса правового субъекта представляются преждевременными. Сложно не согласиться с мнением о том, что «применение цифровых технологий с использованием искусственного интеллекта на современном уровне его развития не означает появления новых общественных отношений, качественно отличающихся от существующих», а «искусственный интеллект не выступает в качестве цифрового субъекта права в отношениях по обороту цифровых прав

⁶ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490.

в информационной системе оператора. Последний, используя в предпринимательстве цифровые технологии, применяет в бизнес-моделях элементы искусственного интеллекта, которые не порождают цифровых правоотношений»⁷. Иными словами, искусственный интеллект, являясь инструментом для реализации традиционных хозяйственных отношений на новом технологическом уровне, не порождает принципиально новых правовых отношений.

Этот вывод верен и с онтологической точки зрения. Навыки обработки больших объемов информации, в том числе с использованием технологий самообучения, не могут создать мышление и сознание, подобные человеческому. На сегодняшний день наиболее реалистичной выглядит концепция искусственного интеллекта как программно-аппаратного комплекса, не имеющего с человеческим разумом ничего общего в плане сущности мышления, однако способного при этом решать аналогичные по сложности либо более сложные задачи⁸.

И коль скоро сходство не означает тождество, то присвоение роботу антропоморфных черт не означает обретения им тождества с человеком. А значит, и с точки зрения достигнутого сегодня уровня развития техники, и с точки зрения актуального уровня развития права «очевидна несостоятельность предложения о признании за искусственным интеллектом правосубъектности, аналогичной правосубъектности физического лица, и, несмотря на использование принципов работы человеческого мозга для построения системы искусственного интеллекта, принципы правового регулирования статуса физического лица не могут быть применены к профессиональному интеллекту»⁹.

Несмотря на стремительное развитие нейросетей и технологий роботизации, все еще остается актуальным вывод о том, что «придание роботам (системе искусственного интеллекта) статуса субъекта права не повлечет за собой в обозримом будущем каких-то явных негативных последствий. В то же время не видны и преимущества такого решения по сравнению с рассмотрением роботов (систем искусственного интеллекта) в качестве квазисубъектов права. Исходя из философского принципа Оккама не умножать сущности без крайней на то необходимости... полагаем, что введение в правовую сферу такого

⁷ Андреев В. К. Приобретение и осуществление прав юридического лица с использованием искусственного интеллекта // Предпринимательское право. 2021. № 4. С. 16–17.

⁸ Legal Approaches to Artificial Intelligence Concept and Essence Definition / A. Y. Bokovnya et al. // Revista San Gregorio. 2020. Vol. 41. Pp. 115–121.

⁹ Дурнева П. Н. Искусственный интеллект: анализ с точки зрения классической теории правосубъектности // Гражданское право. 2019. № 5. С. 33.

принципиально нового субъекта права, как робот (система искусственного интеллекта), является преждевременным (хотя не исключено, что такая необходимость появится)»¹⁰. Присвоение ИИ прав человека стало бы сугубо некорректной экстраполяцией свойств человека на ИИ¹¹, не учитывющей ни специфики человека, ни специфики искусственного интеллекта.

Об этом особенно важно помнить тогда, когда функциональная грань между юридически значимой деятельностью человека и юридически значимыми действиями ИИ истончается. Например, «внедрение технологии искусственного интеллекта в международный коммерческий арбитраж способствует сокращению времени на ведение арбитража и, как следствие, снижению затрат, что повышает степень доверия сторон к арбитражу. На сегодняшний день использование технологий на основе искусственного интеллекта не вызывает принципиальных опасений, поскольку арбитраж завершается решением, которое выносится арбитрами-людьми. Однако главный вопрос, который пока не получил окончательного ответа, заключается в том, могут ли арбитры-люди быть заменены арбитрами с искусственным интеллектом»¹². Представляется, что на достигнутом уровне общественного и технологического развития ответ на этот вопрос должен оставаться отрицательным: использование ИИ в том числе в арбитраже не вызывает существенных опасений именно потому, что финальное решение принимается человеком, обладающим специальной правовой компетенцией.

Право – по крайней мере, в нынешнем его виде – сугубо антропоцентрично. Правовыми нормами регулируются действия людей и отношения между людьми в обществе. Даже тогда, когда мы имеем дело с правовой фикцией, возложение ответственности, например, на юридическое лицо на практике означает возникновение неблагоприятных последствий для конкретных физических лиц: руководителя, сотрудников, собственников и т.д. При этом важно подчеркнуть, что правовой принцип соразмерности требует возложения ответственности именно на тех лиц, действиями которых прямо или косвенно было обусловлено возникновение деликтных обязательств.

¹⁰ Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 12. С. 105.

¹¹ Duffy S. H., Hopkins J. P. Sit, Stay, Drive: The Future of Autonomous Car Liability // Science & Technology Law Review. 2013. Vol. 16, № 3. P. 111.

¹² Фролова Е. Е., Купчина Е. В. Цифровые инструменты защиты прав на интеллектуальную собственность: на примере блокчейн и искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 61. С. 494.

Очевидным образом такого рода правовая конструкция неприменима к случаям возникновения деликтных обязательств в результате деятельности искусственного интеллекта. Однако невозможность применения той или иной конструкции не должна означать невозможность самой ответственности. Исключение ответственности – например, из-за распространения на ситуации причинения вреда роботом правового режима обстоятельств непреодолимой силы – очевидным образом создало бы пространство для злоупотреблений, вплоть до использования технологий ИИ для совершения преступлений, которые в этом случае оставались бы безнаказанными. Но как же тогда надлежит регулировать вопросы правовой ответственности за действия искусственного интеллекта?

Соотношение субъекта и инструмента

В самом первом приближении необходимо уяснить (а где возможно, и закрепить в нормативных актах) корректное соотнесение ролей человека и искусственного интеллекта в хозяйственных и правовых отношениях. По общему правилу, следует признать недопустимым возложение на ИИ принятия ключевых решений по вопросам, затрагивающим права и законные интересы третьих лиц. Эти решения должны оставаться исключительной прерогативой человека.

Дело здесь не только и не столько в упомянутом выше принципе антропоцентризма права. Точнее, это обстоятельство обусловлено вовлечением человека в круг потенциальных последствий деятельности робота уже не в качестве субъекта, а в качестве объекта. Например, в случае принятия решения об аварийном отключении мощностей электростанции или аварийном сбросе воды из водохранилища даже самый продвинутый алгоритм в отсутствие сложных дополнительных настроек будет оценивать сугубо экономические последствия каждого из потенциальных решений. И вполне может оказаться, что внезапное затопление близлежащего поселка искусственный интеллект сочтет в данной ситуации экономически целесообразным.

Это возвращает нас к понятию субъективной стороны правонарушения. Высококлассная команда разработчиков может создать алгоритм, позволяющий до известной степени включить в механизм принятия решения роботом интересы человека в качестве наиболее высокого приоритета. Но даже она не в силах придать роботу морально-этические свойства человека, имитировать нравственные переживания и психоэмоциональное отношение к совершаемому

действию. Не нужно забывать: методы мышления человека и методы обработки информации условным искусственным интеллектом качественным образом отличаются. Это два разных типа обработки информации, каждый из которых обладает своими достоинствами и недостатками. И даже при наличии сходных целей неуместно переносить на один тип свойства другого. За пределами данной статьи остается дискуссия о возможности наличия у искусственного интеллекта сознания как такового. Но едва ли можно ожидать от искусственного интеллекта сознания именно человеческого типа.

В этих условиях лишь человек – при этом обладающий и надлежащей экспертизой, и развитыми этическими установками, и именно антропоцентрической аксиологией – может принимать в пределах предоставленных ему полномочий решения, затрагивающие ключевые права и законные интересы другого человека. И потому сегодня искусственный интеллект может быть лишь источником данных для эксперта, а не заменой этого эксперта. Более того, не теряет своей актуальности правило: использование ИИ тем целесообразнее, чем меньше оно влияет на жизнь и здоровье физических лиц. При соблюдении данного правила не требуются новые правовые конструкции. Вопросы деликтоспособности вполне могут решаться с помощью существующих правовых механизмов, пусть даже адаптированных к использованию такого специфического инструмента, как искусственный интеллект.

Но как быть в ситуации, когда устранение человека от принятия решений и составляет саму суть роботизации?

В качестве понятного примера можно привести роботизированное такси, автопилот морского судна или робота для микрохирургических операций. Технологическая сложность выполняемых ими задач прямо обуславливает экономическую и прикладную целесообразность устранения человека от контроля за этими операциями. Проще говоря, если за рулем находится водитель, то робот в таком такси уже не нужен, а если такси управляет роботом, то наличие водителя нивелирует экономические преимущества от роботизации такси. Именно для подобных ситуаций важно формирование новых правовых механизмов регулирования ответственности за действия искусственного интеллекта.

Теоретик и историк права может справедливо предположить, что в данной ситуации актуально не столько изобретение новых правовых конструкций, сколько обращение к старым, давно забытым правовым моделям. Речь идет, например, о модели взаимоотношений *pater famalias* и раба в римском праве.

При таком подходе «правовое положение ИИ становится тождественным или близким тому, которое было у римских антропоморфных коллективных организаций, либо еще более редуцированным – раба, домочадцев, детей, в том числе *filius in potestate tua est*»¹³. Однако простой принцип «за все действия раба правовую ответственность несет хозяин» невозможно механистически перенести на модель распределения ответственности за последствия действий робота.

Это отнюдь не означает, что современный искусственный интеллект более сложен в психоэмоциональном аспекте, чем, например, древнеримский гладиатор. Наоборот, при исследовании первопричин того или иного решения искусственного интеллекта мы можем с легкостью выделить по меньшей мере несколько ключевых субъектов, причем каждый из этих субъектов будет являться физическим лицом, юридическим лицом либо группой лиц. «Отношения с использованием искусственного интеллекта – это всегда отношения между субъектами права или по поводу объектов права. В любом случае это отношения, которые на том или ином этапе инициированы, запрограммированы человеком – субъектом права с той или иной степенью ответственности (в том числе в рамках деятельности юридических лиц). Волеизъявление человека на те или иные действия искусственного интеллекта может быть выражено в разной степени: от действий ИИ, находящихся под полным контролем воли человека, до автономных действий ИИ, опять же допускаемых и осознаваемых в своих... пределах и последствиях человеком (группой лиц)»¹⁴.

Эта возможность, в свою очередь, должна стать основой для выстраивания модели субсидиарной ответственности¹⁵ за действия искусственного интеллекта между теми правовыми субъектами, которые могли прямо или косвенно на них повлиять. Речь идет о таких субъектах, как владелец ИИ, пользователь ИИ, разработчик ИИ, а также третьих лицах. Именно на балансе прав, обязанностей, ответственности данных субъектов и представляется целесообразным базировать матрицу распределения правовой ответственности за последствия действий ИИ.

¹³ Афанасьев С. Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 22.

¹⁴ Шахназаров Б. А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 9. С. 64–65.

¹⁵ Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 96.

Вопрос о деликтоспособности искусственного интеллекта уже не первый год затрагивается в теоретико-правовых работах¹⁶. Специальные исследования, как правило, содержат выводы о субсидиарной ответственности или же матрице ответственности, на основании которой вопрос о возложении неблагоприятных правовых последствий решается индивидуально, с учетом комплекса факторов в каждом конкретном случае¹⁷.

Разумеется, мы не можем применить уголовное или административное наказание к искусственному интеллекту. Любая мера ответственности, примененная к ИИ, повлечет за собой неблагоприятные последствия для его пользователя: например, административный запрет на работу ИИ в течение определенного срока будет означать издержки не для самого ИИ, а лишь для того субъекта, который использовал данную систему ИИ в своей хозяйственной деятельности.

Именно этот тезис является отправной точкой для конкретизации абстрактного тезиса об индивидуализации решения о распределении ответственности в каждом конкретном случае с учетом комплекса факторов. «Фиксация в законе новых систем ИИ потребует рассмотрения вопроса о признании их источником повышенной опасности»¹⁸, и владелец искусственного интеллекта в таком контексте предстает владельцем источника повышенной опасности. По умолчанию ответственность за неблагоприятные последствия деятельности искусственного интеллекта несет его владелец – но лишь до тех пор, пока не доказана вина иных лиц. Так, например, по результатам проведения экспертизы (а при необходимости и следственных действий) может быть доказано, что неблагоприятные последствия возникли в силу фундаментальных недочетов разработки. «...Когда система искусственного интеллекта приобретается встроенной в другие товары (например, в автомобиль), то представляется маловероятным, что подобные договорные исключения (например, между производителем автомобиля и поставщиком программного обеспечения искусственного интеллекта) могут быть успешно переложены на покупателя автомобиля. В то же время интерес представляет идея о возможности установления границ ответственности разработчиков

¹⁶ Bertolini A. Robots as Products: The Case for a Realistic Analysis of Robotic Applications and Liability Rules // Law, Innovation and Technology. 2013. Vol. 5, № 2. Pp. 214–247.

¹⁷ Colonna K. Autonomous Cars and Tort Liability // Case Western Reserve Journal of Law, Technology & the Internet. 2012. Vol. 4, № 1. Pp. 81–130.

¹⁸ Антонов А. А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности // Юрист. 2020. № 7. С. 73.

за дефекты создания выпущенных в оборот систем искусственного интеллекта»¹⁹.

Теоретико-правовое решение вопроса о распределении ответственности за действия ИИ, повлекшие причинение ущерба физическим и/или юридическим лицам, необходимо в качестве базы для регулирования практических аспектов последствий наступления такой ответственности. Например, как указано в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2020 г., «требуется дальнейшая проработка механизмов гражданско-правовой, уголовной и административной ответственности в случае причинения вреда системами искусственного интеллекта и робототехники, имеющими высокую степень автономности, при принятии ими решений, в том числе с точки зрения определения лиц, которые будут нести ответственность за их действия, доработки при необходимости механизмов безвиновной гражданско-правовой ответственности, а также возможности использования способов, позволяющих возместить причиненный действиями систем искусственного интеллекта и робототехники вред (например, страхование ответственности, создание компенсационных фондов и др.)»²⁰.

Перспективы регулирования ответственности за действия робота

Вопрос об ответственности за последствия действий искусственного интеллекта представляется актуальным не только в теоретико-правовом аспекте, но и в прикладном. И в целом этот вопрос уже сегодня может быть решен положительно, поскольку умышленная или по меньшей мере неосторожная вина «посредников ИИ (разработчиков и пользователей) в случае нанесения вреда системой ИИ может быть вполне вероятной, юридически и экспертизно доказуемой»²¹. А значит, уже сегодня представляется реализуемым на практике и принцип «разграничения ответственности организаций-разработчиков

¹⁹ Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Гражданско-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники: основные подходы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 1(58). С. 703.

²⁰ Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 19 авг. 2020 г. № 2129-р.

²¹ Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 6. С. 41.

и пользователей технологий искусственного интеллекта исходя из характера и степени причиненного вреда»²².

Это, в свою очередь, в совокупности с кратко изложенными выше тезисами дает основания для следующих ключевых выводов:

1. Вопрос об ответственности за последствия решений искусственного интеллекта актуален сегодня для национальной организации повседневных отношений, а отказ от регулирования этого вопроса может стать препятствием если не для научно-технического прогресса, то по крайней мере для популяризации цифровых технологий.

2. Текущий уровень развития и права, и технологий искусственного интеллекта не позволяет рассматривать робота в качестве субъекта правовых отношений или субъекта правовой ответственности.

3. Невозможность признания деликтоспособности за искусственным интеллектом не означает необходимости признания за ним статуса форс-мажора или невозможности ответственности за последствия действий искусственного интеллекта.

4. Ответственность за последствия действий искусственного интеллекта распределяется между его создателями, его владельцами, его пользователями и иными лицами, вовлеченными в использование робота в той степени, которая влияет на результаты работы искусственного интеллекта.

5. Комбинация ответственности, в том числе субсидиарной, в каждом конкретном случае зависит от того, чьи действия повлияли на принятие искусственным интеллектом того решения, следствием которого явилось возникновение деликтных обязательств.

Таким образом, формальная невозможность возложить наказание или иную меру правовой ответственности на робота уже сегодня отнюдь не препятствует полноценному включению отношений с использованием технологий искусственного интеллекта в сферу правового регулирования, в том числе и в части правовых последствий причинения вреда. Эти инновационные технологии требуют правового регулирования, однако сами по себе не создают ни новых правовых институтов, ни принципиально новых правовых конструкций. А значит, при должном подходе к существенному осмыслению технологической компоненты такое регулирование может быть успешно реализовано в рамках существующей системы права.

²² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490.

Библиографический список

Андреев В. К. Приобретение и осуществление прав юридического лица с использованием искусственного интеллекта // Предпринимательское право. 2021. № 4. С. 11–17. DOI: 10.18572/1999-4788-2021-4-11-17.

Антонов А. А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности // Юрист. 2020. № 7. С. 69–74. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-7-69-74.

Афанасьев С. Ф. К проблеме материальной и процессуальной право-субъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 12–31. DOI: 10.24031/2226-0781-2022-12-3-12-31.

Дурнева П. Н. Искусственный интеллект: анализ с точки зрения классической теории правосубъектности // Гражданское право. 2019. № 5. С. 30–33. DOI: 10.18572/2070-2140-2019-5-30-33.

Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 6. С. 32–46. DOI: 10.12737/jrl.2022.060.

Кожокарь И. П., Русакова Е. П. Правореализационная юридическая техника и цифровое правосудие // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 1(59). С. 121–141. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-59-121-141.

Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102. DOI: 10.17-323/2072-8166-2019-2-79-102.

Фролова Е. Е., Купчина Е. В. Цифровые инструменты защиты прав на интеллектуальную собственность: на примере блокчейн и искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 3(61). С. 479–498. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-61-479-498.

Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 12. С. 94–109. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.094-109.

Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Гражданско-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники: основные подходы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 683–708. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-683-708.

Шахназаров Б. А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 9. С. 63–72. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.142.9.063-072.

Bertolini A. Robots as Products: The Case for a Realistic Analysis of Robotic Applications and Liability Rules // Law, Innovation and Technology. 2013. Vol. 5, № 2. Pp. 214–247. DOI: 10.5235/17579961.5.2.214.

Colonna K. Autonomous Cars and Tort Liability // Case Western Reserve Journal of Law, Technology & the Internet. 2012. Vol. 4, № 1. Pp. 81–130. DOI: 10.2139/SSRN.2325879.

Duffy S. H., Hopkins J. P. Sit, Stay, Drive: The Future of Autonomous Car Liability // Science & Technology Law Review. 2013. Vol. 16, № 3. C. 453–480.

Legal Approaches to Artificial Intelligence Concept and Essence Definition / A. Y. Bokovnya et al. // Revista San Gregorio. 2020. № 41. Pp. 115–121. DOI: 10.36097/rsan.v1i41.1489.

Nevejans N. European Civil Law Rules in Robotics: Study. European Union, 2016.

Информация для цитирования

Казанцев Д. А. Деликтные обязательства из действий искусственного интеллекта: проблемы и перспективы правового регулирования // *Ex jure*. 2025. № 1. С. 98–112. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-98-112

Kazantsev D. A. Tort Liabilities Arising from Actions of Artificial Intelligence: Problems and Prospects for Legal Regulation. *Ex jure*. 2025. № 1. Pp. 98–112. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-98-112
